

ПУТИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

УДК 314.07

Региональное измерение процессов становления российской гражданской нации: на примере Южной Сибири

Юрий Михайлович Аксютин¹, Елена Александровна Кочина²

¹ кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и культурологии,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
aksutum@mail.ru

² кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальной работы,
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
vereschaginaea@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования и функционирования новой российской гражданской нации в региональном социуме. Научная новизна и актуальность исследования определяется рядом факторов. Во-первых, осуществлен анализ и классификация основных подходов к пониманию сущности гражданской нации. Во-вторых, обоснована возможность диагностирования процессов функционирования гражданской нации в региональном социуме на основе выделения ряда критериев: 1) позиция и актуальность гражданской идентичности в структуре идентичностей жителей региона; 2) проявление интереса граждан к происходящим социально-политическим событиям; 3) степень осведомленности и осознание жителями региона значимости участия в политической и социокультурной жизни; 4) активность при реализации права участия в осуществлении политики. В-третьих, на основе результатов авторских социологических исследований, проводившихся в Южной Сибири (республики Хакасия, Алтай, Тыва) в период 2015-2016 гг., осуществлен анализ специфики формирования гражданской нации в региональном социуме. В результате анализа данных проведенного опроса было выявлено, что более половины опрошенных не интересуются общественной и политической деятельностью. Степень осведомленности жителей о событиях в политической и социокультурной сфере, по мнению самих опрошенных, также имеет недостаточный характер. Агрегированные данные массового опроса демонстрируют противоречивый характер политической культуры россиян, сочетающей черты «участнической» и «патерналистской» моделей поведения. Не удалось выявить и активного интереса молодых граждан к социально-политическим событиям, происходящим в стране и Южной Сибири. Делается вывод, что самоорганизация гражданского общества в Южно-Сибирском регионе находится на довольно низком уровне, и ситуация не изменится в ближайшем будущем, поскольку поведенческие модели и процесс гражданской самоидентификации молодежи имеют конформистский и ограниченный характер.

Ключевые слова: гражданская нация, региональный социум, постсоветская Россия, Южная Сибирь, идентичность, гражданское общество, молодежь, политика, модели поведения.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-107-117

Цитирование: Аксютин Ю. М. Региональное измерение процессов становления российской гражданской нации: на примере Южной Сибири / Ю. М. Аксютин, Е. А. Кочина // Siberian Socium. 2017. Том 1. № 2. С. 107-117.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-107-117

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития российского социума проблема формирования подлинно гражданской нации, обретения целостности и предотвращения дезинтеграции — одна из наиболее активно обсуждаемых как научным сообществом, так и широкой общественностью. Это подтверждается наличием значительного массива публикаций, медийных проектов и дискуссионных площадок, на которых особое внимание уделяется проблемам поиска путей и обсуждению моделей консолидации современного российского социума, его интеграции в меняющееся прежнее очертания мировое сообщество. При этом уже не подвергается сомнению наличие серьезной опасности растворения во всеунифицирующей глобализации, нивелирующей социокультурные различия, как и незавидная перспектива остаться на «задворках цивилизации», поддавшись соблазну консервативного традиционализма, ориентированного на изоляционизм и культурный партикуляризм. В таком контексте цель статьи — анализ характера и специфики становления гражданской нации в регионах постсоветской России (на примере Южной Сибири) — обладает не только академической, но и практической значимостью.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Обратимся к некоторым методологическим вопросам анализа специфики формирования гражданской нации. В самом первом и наиболее общем приближении, как отмечает большинство исследователей, гражданская нация — это гражданское государственно организованное сообщество. Однако при последующем уточнении характеристик гражданской нации, условий возникновения и функционирования позиции экспертов расходятся. В целом можно говорить о присутствии в научном знании двух основных подходов к определению содержательного наполнения категории «гражданская нация».

Первое направление представлено работами исследователей, критически относящихся к самой возможности диагностировать наличие гражданской нации в государственно организо-

ванном сообществе на основе выделения перечня критериев и индикаторов. В частности, К. Калхун отмечает, что не существует эмпирических индикаторов, достоверно свидетельствующих о наличии в конкретном государстве гражданской нации [6, с. 31]. Исследователь приводит довольно объемный перечень условий формирования нации (неделимость территории и суверенитет; общая культура и история; распространенность форм коллективной деятельности и др.), считая необходимыми и минимальными социальную солидарность и коллективную идентичность. Тем не менее, К. Калхун подчеркивает, что говорить о наличии политической нации с уверенностью даже в том случае, если указанные критерии присутствуют, нет возможности, так как измерить ее нельзя [6, с. 30-32]. Более оптимистично настроены в вопросе выявления достаточных оснований диагностирования гражданской нации представители второго направления, условно обозначаемого нами как «синдромное», или «критериальное». В определенной степени методологически близкие работы М. Просековой, Р. Арона, В. Малахова, Р. Даля и других авторов представляют собой попытки определить критически значимые индикаторы формирования и функционирования гражданской нации. Так, Р. Арон, концептуализируя «французскую модель» гражданской нации, выделяет три значимых индикатора условно «гражданственности»: во-первых, участие в деятельности государства посредством воинской обязанности и реализации избирательного права; во-вторых, действенность механизмов выражения политической воли культурной общностью; в-третьих, абсолютная автономность и независимость внешней политики национального государства от внешних воздействий [3, с. 16-17]. Другой исследователь, В. Малахов, определяет нацию, с одной стороны, как организованное посредством развития систем транспорта и связи в рамках единого государства институциональное пространство (международный статус, территория, политические институты, суверенитет и др.), а с другой стороны — как особую систему социальных связей, маркирующую «своих» и «чу-

жих» [7, с. 68]. Институциональная компонента, физическое существование государства, выступает техническим минимумом существования гражданской нации, но основная роль в консолидации нации принадлежит ценностной интегрированности граждан. М. Просекова и Р. Даль в качестве основного условия функционирования гражданской нации также отмечают наличие активной «участнической» поведенческой модели граждан государства, когда большая часть населения политически активна, имеет возможность и желание влиять на политический курс и обстановку [8, с. 33-36]. В частности, Р. Даль выделяет четыре основных критерия формирования и функционирования гражданской нации и самосознания: 1) проявление интереса граждан к происходящим социальным и политическим событиям; 2) осознание значимости участия и принимаемых социально-политических решений; 3) осведомленность о событиях в социально-политической сфере; 4) активность при реализации права участия в осуществлении политики [4, с. 82].

Иными словами, вопрос выделения критериев, в том числе и критически необходимых для уверенного диагностирования процессов формирования гражданской политической нации, современными исследователями до конца не решен. Очевидно, что речь идет о модели, имеющей минимум два измерения: институциональное и социокультурное. Если процессам институционального конструирования (территория, суверенитет, формы коллективной деятельности и др.) гражданской нации в отечественной научной литературе уделяется достаточно внимания [2, с. 159-160], то исследования социокультурных особенностей формирования гражданской нации и региональной специфики этих процессов остаются все еще дефицитными.

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2015-2016 гг. нами были осуществлены массовые социологические опросы параллельно в трех регионах Сибири: Республика Хакасия (520 человек), Республика Тыва (290 человек), Респу-

блика Алтай (190 человек)¹ [9]. Репрезентативность выборки была обеспечена соблюдением пропорций численности населения, проживающего в населенных пунктах различного типа (районы, средние и малые города и сельские населенные пункты). В исследованиях применена квотная выборка по полу, возрасту и территориальному размещению изучаемых категорий населения регионов. Применен распространенный подход возрастной сегментации. В качестве основного метода сбора первичных данных применялось формализованное анкетирование. Также был применен метод количественного контент-анализа ответов респондентов на открытые вопросы анкеты.

РЕЗУЛЬТАТЫ И АНАЛИЗ

В осуществленных нами региональных исследованиях реализована попытка диагностирования специфики формирования и функционирования гражданской нации и самосознания на основе анализа четырех основных критериев: во-первых, актуальность гражданской идентичности и ее позиция в структуре идентичностей жителей; во-вторых, проявление интереса граждан к происходящим событиям; в-третьих, степень осведомленности и осознание значимости участия в политической и социокультурной сфере; в-четвертых, активность при реализации права участия в осуществлении политики.

1. Гражданская национальная идентичность в структуре идентичностей жителей Южной Сибири. Начавшийся более четверти века назад процесс институциональной, социальной и культурной трансформации общества и государства имел своим следствием изменение сознания бывших советских граждан и становление объективно существующего феномена новой нации — россиян. Однако приходится констатировать, что до настоящего времени нет четкого представления о характере оснований

¹ Социологическое исследование (2016 г.) проведено при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность — 1 000 чел.

российской нации и природы национальной идентичности. В таком контексте, по нашему мнению, оценку процессов становления российской гражданской нации следует предварить анализом позиции российской гражданско-национальной идентичности в структуре идентичностей жителей Южной Сибири. Результаты социологических исследований 2015-2016 гг. свидетельствуют, что в структуре идентичностей жителей Хакасии, Тывы и Алтая первая позиция принадлежит российской идентичности. Так, согласно результатам опроса 2015 г., в структуре идентичностей жителей региона преобладали российская (32,2%) и республиканская (23,5%) идентичности. На третьей позиции была региональная (15,1%), а на четвертой — поселенческая (12%) идентичность. Российская идентичность значима и приоритетна в первую очередь для этнически русских (44%) и в значительно меньшей степени для хакасов (11,3%), тувинцев (31%) и алтайцев (23%), в структуре идентичностей которых первую позицию занимает республиканская идентичность (хакасы — 38,8%, тувинцы — 33,7%, алтайцы — 29,3%). Этническая идентичность была на пятой позиции (9,8%), а «космополитическая» на шестой (5,6%). В 2016 г. российская идентичность (36,5%) немного прибавила в весе и подкрепила выводы о стабильности своих позиций. Практически без изменений остались позиции этнической (8,9%), республиканской (24%) и космополитической (5,4%) идентичности. Региональная идентичность утратила свои позиции (10,9%), усиление которых в 2015 г. можно объяснить объективно существующей погрешностью массовых исследований. Результаты анализа позволяют обоснованно утверждать, что первая позиция в структуре идентичностей жителей региона принадлежит российской идентичности. Однако важно ответить на вопрос о характере оснований национальной российской идентичности. В ходе анализа результатов исследования установлено, что 31,1% опрошенных придерживается самого широкого понимания содержания российской идентичности. Самосознание («считаю себя россиянином») как главный фактор идентифика-

ции с россиянами отметили 15,4% опрошенных. В целом доля респондентов, отметивших приоритет традиционалистских (любовь к России — 18,3%, знание русского языка — 1%, принадлежность к православию — 1,5%) и социально-биологических оснований идентификации («родители россияне» — 4,5%), составляет порядка 25-27%. Следовательно, данные опроса свидетельствуют в пользу складывания национальной российской идентичности с конструктивистскими (гражданская нация) основаниями.

В ходе определения основания гражданской идентичности молодых жителей Южной Сибири через характеристику ими понятия «россиянин» было выяснено, что порядка 25% молодых респондентов (18-34 года) считают россиянами тех, кто «воспитан на русской культуре и считает ее своей». Тех, кто определяет российскую идентичность через наличие российского гражданства, чуть меньше (23,2%). Пятая часть опрошенных главным фактором, определяющим «российскость», считает «любовь к России» (19,6%). Для 6,5% респондентов российскость определяется принадлежностью родителей к российскому гражданству, для 3,1% — знанием русского языка, для 1,5% — православной верой. Только 19,5% опрошенных полагают, что россиянином является тот, кто сам считает себя россиянином. Таким образом, большинство молодых респондентов также придерживается представлений о конструктивистской природе понятия и феномена российской нации, нежели социально-биологической.

2. Проявление интереса жителей региона к происходящим общественно-политическим событиям. Интерес граждан к происходящим общественно-политическим событиям является одним из универсальных индикаторов зрелости гражданского общества. Выявление индекса интереса к политической и общественной жизни позволяет определить степень вовлеченности в происходящие события, поскольку между интересом и интенсивностью участия существует прямая корреляция. Кроме того, участие в деятельности общественно-политических объединений относится к числу наиболее эффективных каналов

политической социализации, формирования навыков и установок гражданственности.

Исследователи отмечают, что пик гражданской активности пришелся на 1990-е гг. [11, 12, 13]. Однако к 2000 г., как об этом свидетельствуют данные проводимых в регионах России исследований, ситуация изменилась [1]. Более половины населения страны не интересуются общественной и политической деятельностью. В частности, по данным проводимых нами в 2015-2016 гг. опросов, задействованы в работе общественных организаций (не политических) лишь 19,7% респондентов, против 80,3% не принимающих участия в деятельности каких-либо общественных объединений. Интересуются общественными и политическими событиями менее половины жителей региона (47,0%). Подавляющее большинство жителей республик Сибири демонстрирует эпизодический характер интереса к политике и деятельности общественных организаций либо полное отсутствие такового.

Схожим образом обстоит дело с проявлением интереса молодых жителей региона к происходящим общественно-политическим событиям. По данным исследования, интересуются положением дел в регионе и России 54,7% молодых людей в возрасте 18-24 лет и 52,3% в возрасте 25-34 лет. Учитывая, что между интересом и интенсивностью участия существует прямая зависимость, закономерным кажется тот факт, что на вопрос: «Назовите наиболее известные организации и движения в России?» затруднились ответить 78,1% опрошенных. В пятерку наиболее известных «общественных и политических» организаций и движений вошли: Единая Россия, КПРФ, Greenpeace, ЛДПР, ОНФ. Отметим и тот факт, что, хотя в настоящее время в России и существует более 100 тысяч общественных и политических объединений, в списке наиболее известных лидируют политические.

Основным источником информации о характере и содержании происходящих событий для жителей региона были и остаются газеты и телевидение (2015 г. — 51%, 2016 г. — 54,5%), в меньшей, но все возрастающей степени — Интернет (2015 г. — 30,4%, 2016 г. — 36,4%). По-

казательно, что довольно значительная часть респондентов в качестве источника сведений о происходящих в государстве и обществе событиях отметили традиционные (друзья, родственники, другое) и, как считают эксперты, «ненадежные» каналы информации, значение которых в последние годы только возрастает (2015 г. — 28,3%, 2016 г. — 33,5%). Усиление значения традиционных источников информации, с одной стороны, явление само по себе интересное и заслуживает особого внимания. С другой стороны, оно может свидетельствовать о возрастании недоверия жителей региона к официальным источникам и версиям происходящих событий. Отметим и еще одно обстоятельство — резкое снижение порогового возраста, когда респонденты проявляют наибольшую заинтересованность в получении информации о характере происходящих событий. Показатели, характеризующие вовлечение респондентов в поле культурно-информационного взаимодействия, довольно резко падают уже после 25 лет. Единственное, в чем «возрастные» слои населения почти не уступают более молодым, — это интерес к телепередачам.

Не вызывает сомнений, что на степень интереса и социально-политического участия граждан влияет личный опыт и общий контекст, связанный с практикой реализации социально-политических прав и свобод. Осуществленные нами замеры общественного мнения выявили непростую ситуацию. Жители региона в целом не очень обеспокоены обеспечением возможности реализации ими своих прав. Порядка 10% опрошенных отметили ущемление и наличие ограничений на реализацию политических прав участвовать в управлении делами государства (2016 г. — 10,2%, 2015 г. — 12%), и 20% испытывают затруднение в реализации права на свободу слова и мысли (2016 г. — 20%, 2015 г. — 22,2%). Политические гражданские права и свободы не находятся среди приоритетов для большинства респондентов. Важно было выявить, как такая общая ориентация сочетается с более конкретными установками, в результате исследования которых складывается не очень оптимистическая картина. Формы участия и

отношение к правам и свободам, которые сегодня образуют политическую культуру россиян, свидетельствуют скорее не о стабильности процесса становления гражданского общества, а о тенденции к интериоризации жителями региона форм социально-политического участия. Наибольшее беспокойство у респондентов вызывает ущемление социально-экономических прав, посредством которых обеспечивается жизнь и деятельность человека на надлежащем уровне (ущемление права на образование и медицинскую помощь отметили 45% респондентов). Таким образом, для жителей региона политические права и свободы не находятся в числе приоритетных и уступают личным и социально-экономическим в актуальности.

3. Степень осведомленности и осознание значимости участия в политической и социокультурной сфере. Что касается осознания значимости участия в происходящих событиях, то только 17,1% в возрасте 18-24 лет и 12,8% в возрасте 25-34 лет считали, что их мнение оказывает реальное влияние на принятие властью социально-политических решений. Соответственно возрастным группам, 39,4% и 42,2% опрошенных отметили возможность частичного влияния их мнения на принятие социально-политических решений, а позиция «не влияет» оказалась близка 34,1% респондентов в возрасте 18-24 лет и 39,4% в возрасте 25-34 лет. Порядка 20% в возрасте 35-54 лет и 18,8% в возрасте 55 лет и старше считали, что их голос учитывается при принятии решений органами власти, 42% опрошенных в этих возрастных группах отметили, что их мнение учитывается частично, а 32% респондентов в возрасте 35-54 лет и 34,4% в возрасте 25-34 лет отметили, что власти их не замечают.

Степень осведомленности жителей о событиях в политической и социокультурной сфере, по мнению самих опрошенных, также имеет недостаточный характер. Достаточную осведомленность отметили лишь четвертая часть опрошенных. Частичную осведомленность отметили 55,9%, а почти полное ее отсутствие было характерно для каждого десятого респондента (менее 11%).

В целом результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что при всех

имеющихся проблемах треть населения региона 34,9% (в 2015 г. — 33,8%) уверена в том, что в целом их жизнь складывается нормально, а имеющиеся проблемы в стране и регионе носят временный, этапный характер. Менее половины населения региона в целом готовы лично что-либо предпринять для решения своих проблем. Только 4,1% (в 2015 г. — 5,7%) готовы протестовать, «идти на баррикады», другими способами отстаивать свои права, 36,7% опрошенных граждан (в 2015 г. — 34,4%) активно пытаются улучшить свое экономическое и социальное положение, тогда как 12,8% (в 2015 г. — 15%) вовсе смирились со своей судьбой. В то же время нельзя не отметить, что удовлетворенность жителей региона своей жизнью за последние годы снизилась. Что стоит за этой динамикой и почему усиливается стремление населения решить экономические проблемы самостоятельно, нарастает апатия? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим на общую картину оценки проблем, которые волнуют жителей региона больше всего в последнее время. Данные исследования свидетельствуют, что жителей Юга Сибири сегодня больше беспокоят: рост цен на товары и услуги (2015 г. — 50%, 2016 г. — 60,8%), наркомания, алкоголизм (2015 г. — 30,4%, 2016 г. — 31,9%), безработица (2015 г. — 28,4%, 2016 г. — 26,2%), преступность (2015 г. — 16,8%, 2016 г. — 17,3%), ситуация в сфере образования (2015 г. — 9,2%, 2016 г. — 10,9%), качество социального обеспечения, медицинского обслуживания (2015 г. — 17,1%, 2016 г. — 16,7%). Интересно, что в группе «лидирующих» проблем, вызывающих беспокойство населения, появились следующие категории: низкая зарплата, пенсии (2016 г. — 29,6%, 2015 г. — 29,1%), терроризм (2016 г. — 15,1%, 2015 г. — 13,1%), межнациональные конфликты (2016 г. — 11,7%, 2015 г. — 13,8%), бюрократический произвол (2016 г. — 8,6%, 2016 г. — 10,7%). Полученная картина существенно отличается от имевшей место еще 5 лет назад, хотя, казалось бы, должно было проявить себя депрессивное состояние экономики периода 2014-2016 гг.

В целом жители региона (2016 г. — 43,4%, 2015 г. — 44,2%) не склонны возлагать ответ-

ственность за трудности в своей жизни на кого-либо. Однако доля таких граждан снижается. В то же время, по мнению 5,6% (2015 г. — 7,9%) респондентов, причиной усиления экономической дистанции являются олигархи и предприниматели. Респонденты продемонстрировали позитивное отношение к той роли, которую играют федеральные и региональные органы власти в их жизни. Так, склонных дать негативную оценку деятельности и возложить вину за трудности в сегодняшней жизни на федеральные органы государственной власти в 2016 г. — 21,4% (2015 г. — 13%) опрошенных. Неудовлетворенных деятельностью местных (республиканских) органов государственной власти было значительно меньше — 10,4% (2015 г. — 8,8%). В то же время этот индикатор характеризуется значительной степенью условности, так как результаты опроса могут свидетельствовать одновременно и о снижении уровня чаяний граждан, разочаровавшихся в возможностях и эффективности деятельности властей, склонности жителей опираться на собственные силы (таковых в 2015 г. — 30,1%; в 2016 г. — 32,5%).

Приведенные результаты анализа данных массового опроса демонстрируют весьма противоречивый характер политической культуры россиян, сочетающей черты «участнической» и «патерналистской» моделей поведения. Добавим к сказанному, что не удалось выявить активного интереса молодых граждан к социально-политическим событиям, происходящим в стране и Южной Сибири. В таком контексте закономерным представляется обращение к анализу вовлеченности жителей региона в деятельность общественно-политических объединений и участия в осуществлении политики.

4. Активность при реализации права участия в осуществлении политики. Исследователи выделяют пять типов политического поведения граждан: 1) неактивные — лица, которые не участвуют в политике, но время от времени участвуют в выборах; 2) конформисты — лица, избегающие непосредственной политической деятельности, эпизодически способные принять участие в конвенциональных формах осуществления политики и даже

в политических кампаниях; 3) реформисты — активно принимают участие в конвенциональных формах осуществления политики, а также используют законные формы политического протеста; 4) активисты — активные участники политической и общественной жизни социума в конвенциональных и неконвенциональных формах; 5) протестующие — активные участники политического процесса, которые используют преимущественно неконвенциональные формы участия [5, с. 60].

Результаты регионального исследования подтвердили общероссийскую тенденцию снижения активности реализации права участия в осуществлении политики гражданами России. В перечне приоритетных видов деятельности участие, например, в избирательной кампании отметили 7,4% опрошенных (5-я из 15 позиций в перечне). Готовы баллотироваться «в органы власти города/района» 2,3% (10-я позиция), «в органы общественного самоуправления» — 2,2% (11-я позиция). 12,6% респондентов готовы принять участие/участвуют в деятельности общественных организаций (4-я позиция), и только 2,8% — в работе политических партий (8-я позиция). Формы осуществления прямой демократии также не оказались в числе приоритетных. В митингах и демонстрациях готовы принять участие порядка 4,7% (7-я позиция), в забастовках — 1,1% (12-я позиция), в противодействии полиции — 1,1% (13-я позиция) респондентов. Лидируют в представленном перечне такие формы деятельности, как сбор гуманитарной помощи (27,5%, 1-я позиция) и пожертвований (11,2%, 3-я позиция). 17,5% респондентов отметили, что не готовы принимать участие в общественно-политической жизни региона (2-я позиция). На осознанность пассивного поведения граждан указывает тот факт, что затруднились с ответом только 0,1% опрошенных. Таким образом, доля приверженцев пассивной модели поведения в региональном социуме составляет 18%, конформистов — 60%, доля реформистов не превышает 10%, как и активистов (также каждый десятый). Доля активно протестующих находится в рамках статистической погрешности (порядка 1-2%).

По мнению ряда экспертов, молодежь в большей степени, чем другие социальные группы, заинтере-

ресована в изменении и повышении своего социального статуса. Так, по мнению Ж. Т. Тощенко, в зависимости от уровня самоидентификации молодежи с различными структурами власти, а также степени проявления активности в политической жизни общества различают «формальное» и «реальное» политическое участие [10, с. 125]. «Реальная политическая деятельность» характеризуется активным и постоянным волеизъявлением молодых граждан в форме реализации своих политических прав. В противном случае политическое участие следует рассматривать как «формальное».

Анализ результатов проведенного исследования свидетельствует, что наиболее охотно молодые люди готовы принять участие в акциях по сбору гуманитарной помощи (26,3%) и иных пожертвований (13%). В деятельности общественных организаций — 14,1%. В митингах и демонстрациях — 8,4%. В избирательных компаниях — 9%, в работе политических партий — 4%, баллотироваться в органы власти или органы общественного самоуправления готовы только 5,2%.

Порядка 20% молодых респондентов отметили, что не готовы принимать участие в общественно-политической жизни региона. Молодые люди в целом, как и ожидалось, более активно настроены в вопросе реализации своего права участия в осуществлении политики. Тем не менее, агрегированные данные свидетельствуют в пользу складывания пассивно-конформистской модели поведения молодежи. Приверженцев «пассивной» модели поведения среди молодых жителей региона порядка 20%, доля конформистов составляет около 50%, реформистов — 15%, активистов — 10%, активно протестующих — 5%.

Разобраться в причинах слабого развития участнической модели поведения жителей регионального социума достаточно сложно. В частности, И. М. Дзялошинский и М. И. Дзялошинская справедливо указывают, что на уровень вовлеченности граждан в общественно-политическую жизнь действует достаточно сложная система объективных и субъективных факторов. В качестве объективных выделяются возрастные особенности, материальное положение, авторитарный тип политического режима, этап социально-экономического

развития. К субъективным факторам относятся степень доверия к институтам власти, удовлетворенность своей жизнью, степень интереса к политике и т. д. Среди причин низкой политической активности молодежи авторы указывают: отсутствие сильной молодежной политики и консолидирующей идеи; недостаточное внимание к процессу политической социализации молодежи; противоречивость российской политической культуры; плохую репутацию политического режима; отсутствие харизматичных молодых политических лидеров; слабость опыта политического участия [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что результаты анализа оснований национальной идентичности, аспектов противоречивой политической культуры жителей Южной Сибири показали сочетание черт нарождающейся «участнической» и традиционалистской «патерналистско-подданической» моделей поведения. Исследования свидетельствуют скорее о тенденции к интериоризации ценностей и форм социально-политического участия, нежели о становлении гражданского общества. В таком контексте вполне закономерным представляется факт слабой вовлеченности жителей Южной Сибири в деятельность общественно-политических объединений и участия в осуществлении политики. Это может свидетельствовать об отсутствии должного осознания гражданами значимости такого участия и принимаемых социально-политических решений, недостаточной включенности в основные структуры гражданского общества. Формирование интеграционной гражданской идентичности имеет фундаментальное значение для российского социума. Однако самоорганизация гражданского общества в Южно-Сибирском регионе находится на довольно низком уровне. Можно предположить, что ситуация не изменится в ближайшем будущем, поскольку поведенческие модели и процесс гражданской самоидентификации молодежи имеют пассивный и ограниченный характер.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках Гранта Президента РФ (МК-587.2017.6).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксютин Ю. М. Российская национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (на примере Южной Сибири) / Ю. М. Аксютин, А. И. Евдокимов, А. А. Захарова, Е. А. Кочина. Уфа: Аэтерна, 2016. 118 с.
2. Аксютин Ю. М. Оценка эффективности реализации концепта российской нации в региональном социуме: институциональный аспект / Ю. М. Аксютин // Экология Южной Сибири и сопредельных территорий: в 2 т. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2016. Т. 2. С. 159-160.
3. Арон Р. Р. Мир и война между народами / Р. Арон. М.: Nota Bene, 2000. 879 с.
4. Даль Р. Современный политический анализ / Р. Даль // Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. М., 1991. Вып. 4. С. 82-93.
5. Дзялошинский И. М. Медиа и социальная активность молодежи / И. М. Дзялошинский // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 9. С. 59-65.
6. Калхун К. Национализм / К. Калхун. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.
7. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология / В. С. Малахов. М.: КДУ, 2005. 320 с.
8. Просекова М. Н. Формирование гражданского общества: социальный аспект / М. Н. Просекова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 3. С. 33-36.
9. Социологическое исследование (2015 г.). Трансформации надэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность. Отчет о НИР № 14-03-00493. URL: <http://grant.rfh.ru> (дата обращения: 20.04.2017).
10. Тощенко Ж. Т. Политическая социология / Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2002. 495 с.
11. Dorzhu Z. The Socio-Demographic Situation in the Republic of Tuva Conditions of Social Transformation, 1990s — early 2000s / Z. Dorzhu // Sibirica. 2016. № 15 (3). P. 107-123.
12. Drobizheva L. Myths and Reality in Contemporary Polyethnic Society / L. Drobizheva // Anthropology & archeology of Eurasia. M. E. Sharpe, Inc. 2013. № 4 (51). P. 27-38.
13. Kharus O. Autonomous Siberia in Russia's Reorganization Projects at the Beginning of the Twentieth Century / O. Kharus, V. Shevtsov // Sibirica. 2017. № 16 (2). P. 27-43.

Regional Evaluation of Russian Civil Nation Establishment Processes (On the Example of Southern Siberia)

Yuri M. Aksyutin¹, Elena M. Kochina²

¹ Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Department of Philosophy and Culture Studies,
Katanov State University of Khakassia (Abakan)
aksutum@mail.ru

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Social Work,
Katanov State University of Khakassia (Abakan)
vereschagina@mail.ru

Abstract. This article considers the issues of forming the new Russian civil and its functioning in the regional community. The authors, firstly, have analysed and classified the main approaches to understanding of the civil nation's nature. Secondly, they explained the opportunity of diagnosing the processes of civil nation functioning in a regional community, based on a number of criteria. They include 1) civil identity position in the structure of the population's identities in Southern Siberia; 2) the population's interest towards the social-political events happening around them; 3) their awareness of the importance of participating in political, cultural, and economic life of the region; 4) their activity when using their civic freedom to participate in politics. Thirdly, based on the results of their sociological research in Southern Siberia (Republics of Tyva, Khakassia, and Altay) in 2015–2016, the authors have analysed the peculiarities of forming the civil nation in the regional community. The results show that more than half of the respondents do not show any interest in (or are not even aware of) the social and political life of the region. The authors conclude that the self-organization of civil society in Southern Siberia is of a rather low level (same as in the country on the whole), yet, the situation will doubtfully change in the future, as the behaviourist models and the processes of the youth's civil identity are conformist and limited in nature.

Keywords: civil nation, regional society, Southern Siberia, identity, civil society, politics, culture.

DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-107-117

Citation: Aksyutin Yu. M., Kochina E. M. 2017. "Regional Evaluation of Russian Civil Nation Establishment Processes (On the Example of Southern Siberia)". *Siberian Socium*, vol. 1, no 2, pp. 107-117. DOI: 10.21684/2587-8484-2017-1-2-107-117

REFERENCES

1. Aksyutin Yu. M., Evdokimov A. I., Zakharova A. A., Kochina E. A. 2016. *Rossiyskaya natsional'naya identichnost': novye riski i sposoby preodoleniya (na primere Yuzhnoy Sibiri)* [Russian National Identity: New Risks and Methods of Overcoming (by the Example of Southern Siberia)]. Ufa: Aeterna.
2. Aksyutin Yu. M. 2016. "Otsenka effektivnosti realizatsii kontsepta rossiyskoy natsii v regional'nom sotsiume: institutsional'nyy aspekt" [Evaluation of the Effectiveness of the Implementation of the Concept of the Russian Nation in the Regional Society: Institutional Aspect]. In: *Ekologiya Yuzhnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Ecology of Southern Siberia and Adjacent Territories] in 2 vols. Vol. 2, pp. 159-160. Abakan: Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova.
3. Aron P. P. 2000. *Mir i vojna mezhdunarodnykh narodami* [Peace and War between Peoples]. Moscow: Nota Bene.

4. Dal R. 1991. “Sovremennyy politicheskiy analiz” [Modern Political Analysis]. In: Aktual’nye problemy sovremennoy zarubezhnoy politicheskoy nauki, vol. 4, pp. 82-93. Moscow.
5. Dzyaloshinskiy I. M. 2009. “Media i sotsial’naya aktivnost’ molodezhi” [Media and Social Activity of Youth]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv, no 9, pp. 59-65.
6. Kalkhun K. 2006. Natsionalizm [Nationalism]. Moscow: Territoriya budushchego.
7. Malakhov V. S. 2005. Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya [Nationalism as a Political Ideology]. Moscow: KDU.
8. Prosekova M. N. 2012. “Formirovanie grazhdanskogo obshchestva: sotsial’nyy aspekt” [Formation of Civil Society: The Social Aspect]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika, no 3, pp. 33-36.
9. Russian Foundation for Basic Research Sociological Research of 2015. Research Report no 14-03-00493. “Transformatsii nadetnicheskoy identichnosti v kontekste trendov traditsionalizatsii i modernizatsii: imperskost’, sovetskost’, etnichnost’ i rossiyskaya grazhdanstvennost’” [Transformations of Supraethnic Identity in the Context of Trends of Traditionalisation and Modernization: Imperialism, Sovietness, Ethnicity and Russian Citizenship]. Accessed on 20 April 2017. <http://grant.rfh.ru>
10. Toshchenko Zh. T. 2002. Politicheskaya sotsiologiya [Political Sociology]. Moscow: YuNITI-DATA.
11. Dorzhu Z. 2016. “The Socio-Demographic Situation in the Republic of Tuva Conditions of Social Transformation, 1990s–early 2000s”. Sibirica, no 15 (3), pp. 107-123.
12. Drobizheva L. 2013. “Myths and Reality in Contemporary Polyethnic Society”. Anthropology & Archeology of Eurasia. M. E. Sharpe, Inc, no 4 (51), pp. 27-38.
13. Kharus O., Shevtsov V. 2017. “Autonomous Siberia in Russia’s Reorganization Projects at the Beginning of the Twentieth Century”. Sibirica, no 16 (2), pp. 27-43.